

Михаил Горбачев: «Самый главный вопрос – свобода выбора»

Приветствую всех участников конференции, но прежде всего ту часть, которая представляет Германию, новую Германию. Это большое событие, которое мы теперь отмечаем. Многое будет происходить в эти дни.

Я получил приглашение приехать в Германию, чтобы принять участие в мероприятиях, которые там намечаются. Я рад, что представится такая возможность. О многом нам придется говорить – о том, что же произошло с нами, и не только с Россией, Германией, но с Европой и миром после того, как пала Берлинская стена.

Многим кажется сейчас, что все произошло, как будто ножом масло отрезали: вроде все мягко. Нет, процесс был очень сложный. И для того, чтобы совершилось это событие (и мы сегодня отмечаем эту дату), многое должно было произойти.

Думаю, что важный процесс происходил задолго до этого, в Европе: Хельсинское соглашение, европейские перемены, которые оно ознаменовало, - очень важный прогресс. Но для события объединения Германии важно, что шла перестройка в Советском Союзе, и она внесла элементы новой жизни в нашу страну. Самое важно, что было тогда - гласность.

Руслан Гринберг меня как-то спросил: «Михаил Сергеевич, зачем Вы этой стране – Советскому Союзу - свободу дали?». Я ответил: «Ты знал, что не надо было давать. Что же ты молчал? Сказал бы».

Пришло время, когда перестали молчать. И гласность как раз возникла в тот момент, когда заговорили. В Советском Союзе столько накопилось, и столько надо было сказать самим себе, обществу, правительству и другим народам, с которыми судьба нас связала! Был невероятный всплеск активности.

Если бы мы не пошли этим путем, не произошло бы то, что мы называем гласностью, свободой слова. Говорить и не оглядываться, и не бояться, где ты окажешься завтра - после этого высказывания... Это был огромный поворот в жизни общества.

В стране пошли процессы демократизации – постепенные, медленные. Потому что повернуть на путь нового развития такую страну, как наша, – это было непростое дело. Огромная, милитаризированная страна, в которой накопились многие комплексы, которые мешали развиваться. Из этого положения надо было выходить. Надо было набраться смелости.

Когда умер Черненко, пошел процесс обмена мнениями в руководстве СССР. Говорили одновременно и о том, кого избирать Генеральным секретарем. Но главное – о том, что же предстоит нам делать. Это определило, наверное, и то, что выбор пал на нового человека, который был самым молодым в Политбюро и не был замордован жизнью Политбюро. Хотя я уже хорошо знал ее к тому времени.

Мы встретились с Громыко. Я сказал ему: «От нового руководства ждут перемен. Любому из нас, чья кандидатура на пост Генерального секретаря будет обсуждаться, надо иметь в виду: способен он пойти на перемены или нет. Думаю, что дело опасное. Я даже не знаю, надо ли начинать. Чем это закончится в нашей стране – никто не знает. Гадать не будем».

Громыко ответил: «Да, я согласен, что опасно. Но надо, Михаил Сергеевич, начинать. Сколько можно!»

Я сказал: «Хотел бы Вас пригласить к сотрудничеству». Громыко: «Да, я готов к этому. Надо идти навстречу друг другу. Дальше уже нельзя ждать». Такой состоялся диалог.

Потом пошли ко мне ходоки... Секретари обкомов говорили: «Если старики опять начнут стариков продвигать – мы их снесем». Начался такой разговор, что дело запахло керосином. Одна спичка – и взрыв.

Я им сказал: «Вы не торопитесь. Все-таки у нас ситуация такая, что мы можем сейчас нормально обсуждать и все вопросы решить».

Очень трудно было решиться на перестройку. Но мы решились. А если мы меняем себя, если выступаем за демократию, за свободные выборы, если приняли Закон о свободе выезда и возвращении, если немцам, которые жили в Союзе, разрешили выехать в Германию - я сейчас не хочу всего перечислять – значит, происходили большие перемены.

Во внешних делах началась нормализация - с той же Америкой, с Китаем. Тридцать пять лет мы выясняли отношения с Китаем! Все это стало предметом не только обсуждения, но и решений.

Я вспоминаю те дни. Реакция людей вселяла надежды, что мы, наверное, все-таки справимся. Но, думаю, желаемое принимали тогда за действительность.

То, что происходило в Советском Союзе, потом определило наши отношения и с европейскими социалистическими странами. Кстати, когда приехали руководители соцстран прощаться с Черненко, я с ними встретился отдельно и сказал: «До сих пор, я знаю, мы говорили одно, а делали другое. Сейчас я вас заверяю, что мы будем поступать иначе: вы в своей стране отвечаете за все принимаемые решения, и мы командовать вами не будем.»

Они послушали и, наверное, подумали: знаем мы вашего брата – Генерального секретаря и Политбюро. Мастера говорить, но делать вы будете так, как делали. Но на самом деле, мы ведь не вмешались нигде. Многие стучались, просили, приезжали. Я не хочу сейчас перечислять, ибо не о них разговор.

«Что посоветуете?». Я сказал тогда: «Вы действуйте. Обещаем, что обязательства по поставкам мы выполним. Все остальное, что касается ваших внутренних дел, вы сами должны решать и нести ответственность».

Прошли «бархатные революции». Люди получили право выбора. Самый главный вопрос – свобода выбора. Начало все меняться.

Наступил 1989 год. Уже прошло четыре года с начала перестройки. Происходили изменения в странах Восточной Европы. Все менялось, а немцев как за стену посадили, так они и сидят - и ждут, когда за них решат. Ведь стену немцы построили при нашем одобрении.

Трудно сказать, можно ли было еще откладывать. Мне кажется, это унижало немецкую нацию, великий народ. Народ разделенный, прошедший сложную историю после войны: немцам надо было выйти из ситуации, в которую их завел фашизм...

Я впервые увидел немцев еще до войны, когда мне было 6 или 7 лет. Мы с дедом поехали в соседнее село, на границе Ставропольского края и Ростовской области, чтобы купить пряники. Накупили целую корзину пряников - с лошадками, зайчиками. Оказалось, что их делали в немецкой колонии. Так я узнал, что на свете есть немцы. А главное, что это хорошие люди, которые делают пряники. Потом я прошел большую историю отношений с немцами...

В июне 1989 года во время моего визита в Германию мы с Гельмутом Колем давали пресс-конференцию. Нас спросили, обсуждали ли мы немецкий вопрос. Я ответил: «Конечно, обсуждали. Были обстоятельства, при которых этот вопрос появился, нужны обстоятельства, при которых он будет решен». И мы оба заявили тогда, что это дело XXI века.

Но процесс начался значительно раньше – немцы вышли на улицу и не уходили. Шли стотысячные демонстрации, главный лозунг которых был: «Мы один народ».

Правда, когда я позже приехал в Германию, то услышал: «Мы, немцы, говорим на одном языке, но мы два разных народа». За сорок лет все изменилось.

Мне пришлось участвовать в 40-летию ГДР в октябре 1989 года. Мы долго обсуждали в Политбюро, ехать мне или не ехать. Часть Политбюро считала, что не надо ехать. Но я все-таки поехал. Меня потрясло факельное шествие: делегации 28 районов шли вечером с зажженными факелами. В основном это были люди молодые и среднего возраста – от них исходила такая энергия! Один из лозунгов, которые они несли: «Горбачев, оставайся у нас хоть на месяц». Мечислав Раковский из Польши подошел ко мне: «Вы по-немецки понимаете?». – «На этом уровне понимаю». – «Но это же конец!». Я говорю: «Думаю, ты прав». Хонеккер приплясывал, подпевал песни. У меня было ощущение, что он в трансе.

Я понял, что немецкое общество находится в состоянии кипения, и решил не усугублять ситуацию, рассказывал о наших успехах и произнес фразу: «Одни у нас шли в ногу со временем, другие отстали. А того, кто отстаёт, история наказывает». Немцы ее немного переделали и запомнили как: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь».

Маргарет Тетчер решительно была против воссоединения. Миттеран сказал: «Не знаю, что ты можешь сделать». Мы, в Политбюро, до конца вели линию, чтобы Германия не входила в НАТО. Но, с другой стороны, что это за суверенитет, если немцы не могут решить, где им быть? Буш говорил: «Германию надо контролировать». Я тогда ему на это ответил: «Я думаю, вы боитесь новой Германии»...

В 1987 году Рейган, выступая перед Берлинской стеной в Западном Берлине, призвал: «Господин Горбачев, уберите эту стену!» Много позже мы с его сыном проводили несколько лекций и отвечали на вопросы американцев. Меня спросили: «Стену снесли, потому что на вас подействовали слова Рейгана?». Я ответил: «Знаете, как мы в советском руководстве оценивали эти высказывания Рейгана? У президента Рейгана была прошлая профессия – артист. Вот он и разыграл сцену у стены».

Хельсинские соглашения, разоружение, подписание крупных договоров, процессы в Европе, внутри страны – все это должно было привести к решению немецкого вопроса. В конце концов, в Политбюро расхождений не было. Хотя тоже были разговоры: а что будет, куда эта Германия пойдет. Точно такие же разговоры, как и во всей Европе.

Мы выступали - и до конца вели эту линию, чтобы Германия не уходила в НАТО. В Америке во время моего визита была острая дискуссия на эту тему. Джордж Буш: «Вы что - боитесь Германии?» Я: «Это вы боитесь. Вы боитесь, что Германия будет за пределами НАТО...». Буш: «Германия должна быть включена. Ее надо контролировать, ее надо держать». Я сказал тогда: «Я думаю, это вы боитесь новой Германии».

Вы знаете, какое приняли решение: немцы должны воспользоваться полным суверенным правом и решить, где они будут. Естественно, думаю, они этот вопрос так или иначе десять раз обсуждали с американцами, и Америка их поддерживала.

Это все очень трудные моменты.

Жалею ли я о том, что это произошло? Нет. Я думаю, это большая заслуга руководства Советского Союза, что пошли на такое решение. Кстати, меня поразили многие факты. То, что в нашем народе было настроение примирения, сближения. И тут заслуга ГДР. В ГДР все-таки были наши друзья. Мы же считали: в ГДР немцы «наши», а в ФРГ – «не наши». Смешно, конечно, но это было так. И еще: я увидел, как наши ветераны в районе Курской дуги вместе с ветеранскими организациями Германии начали делать захоронения, восстанавливать списки погибших - хотели нормально похоронить солдат. А до этого я увидел, как немцы относятся к захоронениям, которые были в Германии. Это меня поразило. Это вышло на самый глубокий уровень отношений.

Когда спрашивают: кто главные герои объединения, начинают выяснять, кто сделал больше и т.д. Я думаю, что есть два главных героя. Немцы, которые сказали: мы

одна нация, всё меняется, и мы должны жить в одной стране - они правильно поняли ситуацию. И наш народ, который принес невероятные жертвы во время развязанной Гитлером войны. До сих пор мы не можем прийти в себя от того, что мы вынесли тогда. Но обычные люди всегда умнее политиков. Политикам, по крайней мере, надо не терять голову и видеть, что происходит в обществе, в людях. Это самое главное.

Что произошло, когда мы уничтожили Стену? Это же обнаженный нерв мировой политики, свидетельствующий о разделенном мире. И теперь ее не стало. И действительно все начало меняться. Но меняться так, что у меня это вызывает тревогу. Идет перетряска всего мира. Выходят все новые силы на историческую арену. И все время надо искать ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь.

Мне кажется, независимо от того, как мы вели бы себя в Советском Союзе, немцы пошли бы на объединение. Я не только не жалею, что оно произошло. Я могу гордиться тем, что мы смогли это сделать.